
Узел
на зиму
18+
Роман Кубов

Роман Кубов
Узел на зиму

https://litres.ru/74702624
SelfPub; 2026

Аннотация

В Соловьёвом Яре девятьсот дверей, и в каждой есть узел. Узел — это не верёвка: это про то, чтобы дверь закрывалась без нажима, печь держала тепло, а в доме не ссорились из-за ведра. Мирра Ольхова вяжет такие узлы девять лет, берёт сорок монет и сидит на долге в две тысячи четыреста. А городской узел в бане двенадцать лет не перевязывал никто, и без него Яр к весне выстудится.

Человек, который приезжает его осматривать, — досмотрщик Цеха тёплых дел Тихон Гай. Он видит ошибку за две секунды, говорит цифрами, десять лет не вязал и в первый же день закрывает Мирру на два часа. А потом остаётся жить в её доме: узел требует общего очага на девяносто дней и договора из трёх пунктов.

Нужны три вещи: нить, спряденная на рассвете своими руками, общий очаг без обмана и имя. С именем хуже всего: мастер, который назовёт себя сам, теряет его на год.

Содержание

Глава 1. Чайник 4
Глава 2. Досмотр 13
Глава 3. Три условия 20
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Узел на зиму

Глава 1. Чайник

Домовый узел рвётся всегда не там, где ждёшь.

Я ждала, что он разойдётся по шву — там, где я в прошлом году торопилась и три оборота положила слабее, чем надо. А он разошёлся по нижнему краю, у самой дверцы, и по этому я сразу поняла, что дело не в нити, а в сырости.

Марья Ильинична, у которой я чинила узел, стояла у меня за спиной и дышала в затылок.

— Ну?

— Сейчас.

— Ты уже полчаса сейчас.

— Я сорок минут, — сказала я. — И если вы будете дышать в затылок, я буду пятьдесят.

Она отошла и села на табуретку, и табуретка скрипнула, потому что у неё в доме скрипит всё, включая саму хозяйку.

Домовый узел — это сорок оборотов шерстяной нити в печной кладке, три цвета: белый, овсяный и тёмно-красный. Белый держит тепло, овсяный держит сухость, красный держит нрав.

Нрав — это не выдумка. В доме, где узел в порядке, люди не ссорятся из-за ведра. Я не знаю, почему так; я знаю, что если не вязать красный цвет, то через месяц хозяйка будет

плакать на кухне, а её муж будет хлопать дверью, и оба будут уверены, что дело в чём-то другом.

Я распустила нижний край, выбрала нить, отмерила.

— Марья Ильинична.

— Что?

— У вас под полом мокро. Не справа, где труба, а слева, где ничего нет.

— У меня там ничего нет.

— У вас там мокро, — сказала я. — Я могу перевязать нижний край, и он простоит месяц. А потом разойдётся снова, потому что сырость никуда не денется, и вы придёте ко мне и скажете, что я плохо вязала.

Марья Ильинична помолчала.

— И что делать?

— Открыть пол и посмотреть.

— Там же фундамент.

— Там дыра под фундаментом, — сказала я. — Я вижу по кладке. У вас в предыдущую зиму чайник не кипел?

— Не кипел, — сказала Марья Ильинична упавшим голосом.

— Вот.

Свой чайник я получила в наследство вместе с лавкой, и он был единственный в Яре, который кипел всегда, даже в оттепель, потому что я чинила его сама.

Дом зовут теплом, если у него в кипятке нет лени. Мне это объяснила тётка, когда мне было девять, и я тогда не поняла,

а теперь понимаю каждый день.

— Марья Ильинична, — сказала я, укладывая последние обороты. — С вас сорок монет.

— За что сорок? За отвалившийся край?

— За узел, — сказала я. — И за то, что я вам сейчас скажу, где ваша сырость.

Марья Ильинична заплатила, поворчав, но заплатила, и я ушла домой по Кленовой, где пахло дымом, селёдкой из лавки Сома и мокрым кленом.

Лавка занимала одну комнату: стол, печь, полки с шерстью, кровать за занавеской и кот.

Кот был рыжий, звался Уголёк и считал себя совладельцем.

— Сорок, — сказала я ему, выкладывая монеты на стол. — За вычетом нити осталось тридцать два.

Кот моргнул.

— Ты хочешь сказать, что этого не хватит.

Кот сел на монеты.

За лавку я должна была две тысячи четыреста монет и платила по двести в месяц, и первая мысль у меня каждое утро была про эти двести.

Тётка уехала в сентябре к сестре в тёплые края, оставила записку и лавку. В записке было три строки:

«Мирра, держи её. В окне не вставляй стекло, у тебя руки лучше. Сом придёт».

Сом пришёл через неделю, и с тех пор приходил первого

числа.

Первого числа он вошёл, снял шапку, но не шапкой, а двумя пальцами, как человек, который всё делает с запасом.

— Ольхова.

— Сом.

— Двести.

— Есть, — сказала я.

Он пересчитал, записал в свою книжечку и вдруг сказал:

— У тебя всё хорошо?

Я посмотрела на него.

— А что?

— Идёт слух, — сказал Сом, — что Цех тёплых дел будет менять перечень. И что по нему останется не четыре узловара на Яр, а три.

— А почему три?

— Потому что три удобнее, — сказал Сом.

— Удобнее кому?

— Ну, — сказал Сом, — Цеху.

Он надел шапку и вышел, и я стояла в лавке и смотрела на дверь.

— Уголёк, — сказала я. — Кажется, у нас с тобой неприятности.

Кот спрыгнул со стола и лёг на шерсть. Это у него означало «подумаю о твоём поведении».

Я не умею ждать неприятностей, поэтому в тот же день пошла к Агате.

Агата Плющ шила в передней части своего дома на Медовой, и у неё всегда было жарко, потому что у неё было три шкафа с тканями и печь, которую она топила не прислушиваясь. Узел у неё вязала я, и он держался шестой год, и Агата считала это лучшим комплиментом своему характеру.

— Сом сказал, что будет досмотр и что останется три узловара.

— Ох, — сказала Агата, не поднимая глаз от рукава.

— «Ох» — это что?

— «Ох» — это то, что я слышала месяц назад и забыла тебе сказать, — сказала Агата. — Мирра, у Цеха новый досмотрщик. Молодой. Говорят, из своих, узловар в третьем колене.

— Как в третьем колене?

— Так, — сказала Агата. — У него в родне вязали. И говорят, что его как раз по этой линеечке и выбрали: чтобы смотрел ремесло, а не бумажку.

— И что это значит?

— Что он понимает, что смотрит, — сказала Агата. — А это хуже. Если человек не понимает, можно объяснить.

Досмотрщик пришёл третьего числа, в четыре часа, в белом снегу, в чужих сапогах и с папкой.

Я открыла дверь и увидела человека, который прямо в дверях достал зачем-то часы, потом убрал их обратно, и это было единственное неловкое движение за весь разговор.

— Добрый день, — сказал он. — Гай, Цех тёплых дел.

Досмотр по тринадцатому пункту.

— Проходите, — сказала я.

— Я лучше здесь.

— У меня печь.

— У меня предписание на четыре часа, — сказал он, — и я не могу его выполнять в шубе.

— Тогда проходите, — сказала я. — У меня не убирано.

— Я видел, как выглядит неубрано на четырёх досмотрах из шести, — сказал он. — Здесь похоже на работу.

Он вошёл, снял шапку, повесил её на крючок сам, без приглашения, и потом всё время держал руку на папке, как держат за руль.

Уголёк сразу ушёл под стол.

— Вас как зовут? — спросил он.

— Вы пришли по перечню, — сказала я. — В перечне есть моё имя.

— Там написано «Ольхова М.», — сказал он. — И ещё сказано, что лавка переходит по родству третьей рукой.

— Мирра, — сказала я.

— Ольхова Мирра.

— Просто Мирра.

Он записал. Я увидела, как его перо шло медленно, и по этому подумала — довольно глупо, — что у него хороший почерк.

Досмотр длился два часа.

Он мерил сухость кладки рукой — не бумажкой, не при-

бором, а рукой, приложив ладонь к камню на минуту, и за это я его сразу зауважала, хотя не хотела.

Он просил распустить образец, который я вязала на заказ. Я распустила шесть оборотов, он посмотрел и сказал:

— Здесь слабо.

— Здесь не слабо, — сказала я. — Здесь так надо.

— В книге сказано «натяжение ровное».

— В книге сказано «ровное», — согласилась я. — А это большой узел в бане. У него низ спит в сырости. Если класть ровно, он через месяц сползёт.

— Вы проверяли?

— Я семь лет проверяю, — сказала я. — И у меня в журнале сто двадцать узлов и ни одного возврата.

Он поднял голову.

— У вас есть журнал?

— Есть, — сказала я, и выложила на стол тетрадь.

Он читал журнал сорок минут.

Это была обычная тетрадь: дата, дом, что было, что сделала, сколько взяла, что сказал хозяин. Сто двадцать строк.

— Здесь три записи, где вы перевязывали бесплатно, — сказал он.

— Три.

— Почему?

— Потому что я ошиблась, — сказала я. — Ветрова, у Мельниковой, и в третьем — у Култы, когда я первый год работала.

— Вы записали свою ошибку.

— А что мне было писать?

Он посмотрел на меня, и вот в эту секунду в его лице что-то сдвинулось, и я не поняла, в какую сторону.

— Обычно не пишут, — сказал он.

В конце он достал перечень и стал читать вслух, и я поняла, что всё плохо.

Первый пункт: свидетельство о допуске — истекло в прошлом году. Второй: помещение и оборудование — в порядке. Третий: инструмент — в порядке. Четвёртый: нить — из перечня Цеха. Пятый: ученик, если есть, — нет. Шестой: журнал — велся, и это он сказал вслух с какой-то нотой. Седьмой: мастер обязан подтвердить допуск не реже раза в три года. Восьмой: при отсутствии подтверждённого допуска лавка закрывается по седьмому пункту.

— Седьмой пункт, — сказал он. — Закрытие.

— Я знаю, что такое седьмой пункт.

— До закрытия у вас три недели, — сказал Тихон Гай. — Допуск выдаёт Цех. Заявку вы подаёте, я её подписываю, дальше — комиссия в губернской управе.

— А в комиссии я должна вязать?

— В комиссии вы должны связать узел в присутствии трёх мастеров.

— Хорошо, — сказала я.

— Вы понимаете, что это значит? — спросил он. — В узле, который вы свяжете на комиссии, будут искать ошибку.

— Понимаю.

— Вы свяжете его дома, в тишине, и он будет хорош, — сказал он. — А в комнате с тремя мастерами у вас будут дрожать руки.

— У меня не дрожат руки.

— У меня дрожали, — сказал Тихон Гай.

Он ушёл, а я стояла посреди лавки с нитями в руках.

— Уголёк, — сказала я. — Он сказал «у меня дрожали».

Кот вышел из-под стола и сел на папку, которую досмотрщик забыл на столе.

Я подняла папку, чтобы вернуть, и увидела на обложке его имя, написанное от руки: «Гай Т., узловар второй руки».

Узловар второй руки. То есть он не просто смотрит. Он умеет.

И это, как сказала Агата, было хуже всего.

Глава 2. Досмотр

Папку я вернула на другой день и застала его в бане на Печной, где он стоял в тулупе и смотрел вверх.

Баня была старая, с низким сводом, и в её толще, между двумя стенами, лежал городской узел.

Я знала это с детства, но видела его второй раз в жизни: тётка водила меня туда в двенадцать лет и сказала: «Смотри и запомни. Его перевязывают раз в семь лет, и это не работа, а свадьба».

— Вы рано, — сказал Тихон Гай.

— Я вчера забыла отдать.

— Я думал, вы его выбросите.

— С чего бы?

— С того, — сказал он, — что в этой папке перечень, по которому вашу лавку закроют.

— Перечень не виноват, что вы его принесли, — сказала я.

Мы постояли, глядя вверх, и это было самое долгое молчание между нами за всё знакомство.

Городской узел был размером с колесо телеги, и он был плох.

Я это увидела сразу, и не потому, что я такая умная, а потому, что плохой узел видно так же, как видно плохо завязанный платок — он лежит не так.

— Он расползся, — сказала я.

— На четыре оборота внизу и на два в середине.

— В середине тоже?

— В середине хуже.

Я подошла ближе. Между кирпичами было видно нить: белая потемнела от сырости, овсяная — тоже, а красная вообще ушла куда-то внутрь, как будто её вытянули.

— Тут нет красного, — сказала я.

— Есть, но он в глубине.

— Тихон Гай, — сказала я. — В узле, где красный ушёл в глубину, люди ругаются на площади.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Вы это знаете?

— Я это знаю, — сказала я. — У меня в городе двенадцать домов, и в трёх из них я перевязывала красный, и в этих трёх перестали ссориться. Спросите у Марьи Ильиничны, которая живёт на углу; она с мужем четыре года скандалила за ужином.

— Это совпадение.

— Это ремесло.

Он достал свою папку и стал делать записи, и я поняла по движениям пера, что он пишет не «узел в порядке».

— Когда перевязывают? — спросила я.

— По книге — до первого большого мороза.

— А по жизни?

— По жизни — до первого большого мороза, — сказал

он. — Дальше узел мокнет, и перевязка не держится.

— Сколько осталось?

— Пять недель.

— А почему пять?

— Потому что мороз вошёл в Соловьиный Яр двадцать первого декабря за последние сорок лет девятнадцать раз, — сказал он. — Остальные двадцать один — раньше.

Я стояла и смотрела на колесо.

— Его нельзя перевязать за одну ночь.

— Нельзя.

— И его нельзя перевязать одному.

— Нельзя, — сказал Тихон Гай. — По книге перевязку делают семь мастеров.

— По книге, — сказала я. — А в Яре четыре.

— Три, — сказал он. — Если вашу лавку закроют.

Вот тут я поняла, что он не просто приехал закрыть лавку. Он приехал сказать мне, что закрытие лавки и городской узел — одно и то же.

— Тихон Гай, — сказала я. — Вы сказали «три».

— Сказал.

— То есть седьмой пункт — это не бумажка.

— Седьмой пункт — это седьмой пункт, — сказал он. — Я досмотрщик. Я смотрю и пишу, что вижу.

— А что вы видите?

— Я вижу, — сказал он, — что в городе, где узел на четыре оборота расползся, собираются закрыть лавку лучшего

узловара.

Я стояла с папкой в руках и не знала, что на это сказать.

— Это не комплимент, — сказал он.

— Я поняла, — сказала я. — Это перечень.

Мы вышли из бани, и на Печной шёл снег, и Лукьян, банщик, чистил дорожку и ругался на погоду, потому что оттепель, а снег идёт.

— Лукьян, — спросила я. — А у вас в бане двери не клинит?

— Клинит, — сказал Лукьян. — Вторую неделю по утрам ломом.

— А чайник?

— Какой в бане чайник, Мирра? У меня в бане котёл.

— А в доме?

Лукьян выпрямился.

— В доме три раза кипятил, не кипит, — сказал он. — Поставишь — вода горячая, а чтобы бурлило, надо огонь на полную, и всё равно бурлит, а потом гаснет.

— Ага, — сказала я.

Тихон Гай смотрел на меня.

— Вы что-то знаете.

— Я знаю, что в городе, где узел недотягивает, кипение ленится, — сказала я. — Спросите у меня в лавке на Кленовой, у меня единственный чайник, который кипит всегда. И это не потому, что я волшебница. Это потому, что я свою печь перевязала два года назад и не жалела красного.

Мы шли по Печной, и я спросила то, что вертелось у меня в голове с самого утра.

— Тихон Гай, а если узел не перевязать, что будет?

Он ответил не сразу.

— Сначала кипение, — сказал он. — Вы это уже слышали. Потом двери: их начнёт клинить по утрам, и в трёх домах из пяти понадобится лом. Потом пойдут ссоры — мелкие, из-за ведра, из-за дров, из-за того, кто первый встал к печи.

— А потом?

— А потом у девяти человек из десяти в доме будет холодно, — сказал он. — Не до последнего, а так, как бывает в конце зимы, когда дров больше нет, а мороз ещё есть. Люди разъедутся по родне. Кто-то уйдёт в Тёплый Стан и не вернётся.

— И Яр опустеет.

— Яр опустеет, — сказал Тихон Гай. — Не в этом году. За три-четыре зимы.

Я шла и думала, что за три-четыре зимы я как раз выплачу свой долг.

— И что тогда будет с лавкой?

— А кому она будет нужна? — сказал он. — Лавка узловара держится на домах.

Он пошёл меня провожать, и я не отказалась, потому что дорога была скользкая, а я в тот день несла два мотка.

— Можно спросить? — сказала я.

— Можно.

— У вас в папке написано «узловар второй руки». Почему вы досматриваете, а не вяжете?

Он молчал так долго, что мы прошли половину Кленовой.

— Потому что я испортил узел, — сказал он.

— Как?

— У меня был дом, — сказал Тихон Гай. — Не мой, казённый, в Тёплом Стане. Я вязал там узел сам, первый раз без наставника. Я положил красный тоньше, чем надо, потому что красной нити не хватило, а ехать за ней было три дня, а срока было два.

— И?

— И через полгода в этом доме разошлись двое людей, — сказал он. — Не из-за меня, я понимаю, что не из-за меня. Но с того дня я больше не вязал.

Мы шли по Кленовой, и снег лежал у нас на плечах.

— Тихон Гай, — сказала я.

— Что?

— Вы сейчас рассказали мне, как вы испугались, — сказала я. — А знаете, что сказала бы моя тётка?

— Что?

— Она бы сказала: «Значит, ты умеешь. Дурак, который не умеет, не переживает».

Он остановился у моих дверей и вдруг сказал:

— Ольхова.

— Мирра.

— Мирра. У вас три недели. Я приду в конце срока с пе-

речнем, и я подпишу то, что увижу. Если я увижу, что лавка закрыта, я подпишу закрытие.

— А если я получу допуск?

— Тогда я подпишу допуск, — сказал он. — Я вам скажу честно, потому что вы вчера показали мне журнал. Я не могу вам помочь, и не потому, что не хочу. Мне запрещено. Досмотрщик не может учить того, кого он досматривает.

— Это правило?

— Это второй пункт того же перечня.

Он поклонился — коротко, по-цеховому, как кланяются мастера, — и ушёл, а я стояла в дверях с двумя мотками и смотрела ему вслед.

— Уголёк, — сказала я, войдя. — Он испортил узел и десять лет боится.

Кот посмотрел на меня и зевнул.

— Да, — согласилась я. — Я тоже так подумала.

Глава 3. Три условия

Тётка писала раз в месяц, на двух листах, крупно, и всегда приписывала в конце что-нибудь, из-за чего я потом неделю думала.

Письмо пришло на пятый день после досмотра.

«Мирра. Держи лавку. Шерсть бери у Крутовой, она даёт ровную, а Сом будет говорить, что дорого, ты не слушай, Сом всегда говорит, что дорого.

Твой узел в бане пора перевязывать. Я знаю, что ты его не трогала, потому что ты боишься, и правильно боишься. Но если не перевяжешь, весь Яр будет зимовать в холоде, а ты будешь сидеть и думать, что не твоё дело.

В передней книге, на верхней полке, за переплётом, лежат листы. Возьми их и прочти до конца, не как я — я прочла до половины и потеряла год.

Стася».

Листы были вшиты за переплёт старой книги о печах, и они были не печатные, а писанные от руки, и почерк был не тёткин.

Я читала их всю ночь, при свече, потому что керосин я экономила.

Вот что там было.

«Перевязка городского узла производится раз в семь лет, в год Соловья, в присутствии мастеров. Узел требует трёх

вещей, и без них перевязка не держится, и это проверено на четырёх городах.

Первое: имя, отданное добровольно. Узел не держит рук, которые не назвались. Мастер, вяжущий городской узел, отдаёт узлу своё имя, и после этого имя принадлежит не ему одному, а городу.

Второе: очаг, общий девяносто дней. Городской узел держится на тепле, которое было в доме. Мастер не может жить один в эти девяносто дней; у него должен быть общий очаг с другим человеком, и этот человек должен быть не родня, потому что родня не считается.

Третье: нить, спряденная на рассвете. Нить должна быть спрядена в день перевязки, до восхода, на прялке, рукой того, кто вяжет».

Я отложила лист и посмотрела на свечу.

— Уголёк, — сказала я. — Тут написано, что мне нужен человек.

Кот спал.

Утром я пошла к Агате.

— Тебе нужен муж, — сказала Агата, выслушав.

— Мне нужен общий очаг.

— Это одно и то же, — сказала Агата. — Мирра, дорогая моя, ты в двадцать семь лет живёшь с котом и с долгом. Ты когда последний раз с кем-то ужинала?

— В четверг.

— С кем?

— С Марьей Ильиничной.

— Она тебе платила, — сказала Агата.

Проблема была не в том, чтобы найти человека для очага. Проблема была в девяноста днях.

Девяносто дней — это зима. Это значит: утром завтрак вместе, вечером ужин вместе, дрова вместе, простыни вместе и хлеб вместе, и всё это под одной крышей, и всё это считается от дня, когда в печи впервые развели огонь.

— А если человек просто приходил бы и грелся? — спросила я.

— В листах написано «общий очаг», — сказала Агата. — Не «приходящий».

— То есть он должен жить у меня.

— Или ты у него.

Я представила себе, как переезжаю к кому-то с котом, с шерстью, с тетрадью и с долгом, и мне стало так тоскливо, что я села на её тюки.

— И кто у нас в Яре свободен? — спросила Агата.

— Никто.

— Валец Сухой.

— Валеру сорок четыре, он вязать не умеет и варит пиво, — сказала я. — Агата, это девяносто дней.

— А что тебе, собственно, надо? — сказала Агата. — Надо, чтобы человек жил в доме и не мешал. Это называется «сожитель», Мирра, и половина города так живёт.

Вечером я села и написала список.

В списке было четыре человека: Валец, старик Култа, у которого была своя семья, Лукьян, который жил при бане, и Ника, сестра соседки, которой было пятнадцать и которая не считалась.

Пятнадцать не считалось по той же причине, по которой не считалась родня.

Я посмотрела на список и поняла, что у меня нет ни одного варианта.

Досмотрщик пришёл через четыре дня, и я почти не удивилась, потому что к тому моменту я уже третий день думала о нём с той стороны, с которой не думают о досмотрщиках.

— Я пришёл по делу, — сказал он с порога.

— Заходите.

— По седьмому пункту у вас две недели, — сказал Тихон Гай. — Комиссия в губернской управе принимает заявки до двадцатого.

— Я знаю.

Он стоял в дверях и не проходил, и я видела, что он собирается сказать что-то, чего ему говорить нельзя.

— Можно я спрошу? — сказала я.

— Если не про перечень.

— Не про перечень, — сказала я. — Вы в Яре до мороза?

— До мороза.

— Где вы живёте?

Он помолчал.

— В комнате при управе, — сказал он. — Две сажени на

две. Печь есть, дров нет; дрова казённые, выдают по среде.

— И как узел?

— Узел дрянной, — сказал он. — Я его смотрел.

— Вы живёте в комнате с дрянным узлом, вы досмотрщик и узловар, — сказала я. — И не перевязали.

— Мне запрещено, — сказал он. — Пятый пункт: досмотрщик не производит работ в месте досмотра.

Я набрала воздух и сказала это сразу, потому что если бы я думала ещё минуту, я бы не сказала вообще.

— Тихон Гай, — сказала я. — У меня к вам разговор, от которого вы, наверное, откажетесь. И я хочу, чтобы вы сначала услышали до конца, потому что это не про вас и меня, а про город.

Он снял шапку.

— Слушаю.

— Городской узел надо перевязать до мороза, — сказала я. — Это может сделать один человек, и этот человек — я, потому что тётка уехала, Култа стар, Валец не умеет, а больше в Яре никого.

— Дальше.

— Для перевязки нужно три вещи, — сказала я. — Нить, спряденная на рассвете, — это я сделаю, научусь. Имя, отданное добровольно, — это я сделаю, но об этом потом. И очаг, общий девяносто дней, с человеком, который не родня.

Тихон Гай смотрел на меня.

— И?

— И у меня нет такого человека, — сказала я. — У вас нет жилья, у меня есть; у вас нет дров, у меня есть; и вы уедете после мороза.

Он очень долго молчал.

— Ольхова, — сказал он. — Вы предлагаете мне жить у вас.

— Я предлагаю вам общий очаг на девяносто дней, — сказала я. — С отдельной комнатой, у меня за занавеской, и с условиями, которые мы напишем. И я предлагаю это не потому, что вы мне нравитесь. Хотя вы мне, к сожалению, нравитесь.

— К сожалению?

— Да, — сказала я. — Было бы проще, если бы вы были злым.

Он засмеялся.

Это был первый раз, когда я услышала, как он смеётся, и это было совсем не похоже на аккуратного человека с папкой: коротко, с задержкой, будто смех проходил через три двери.

— Я должен отказаться, — сказал он. — По второму пункту.

— По второму пункту вы не можете меня учить, — сказала я. — А жить в одном доме — не учить.

— Комиссия посмотрит.

— Пусть смотрит, — сказала я. — У меня девяносто дней, чтобы вы получили от меня что-то, за что вам не будет стыд-

но.

Он помолчал.

— Вы понимаете, что я всё равно подпишу перечень? — сказал он. — Если вы не сделаете узел на комиссии, я подпишу закрытие.

— Понимаю.

— И вы всё равно предлагаете?

— Тихон Гай, — сказала я. — У меня выбор: закрыть лавку и остаться с долгом, или закрыть лавку вместе с вами. Второе хоть не одиноко.

Он ушёл, не сказав ни да, ни нет, и я всю ночь просидела с тетрадью, считая, сколько дров нужно на две зимы.

А в шесть утра в дверь постучали.

На пороге стоял Тихон Гай с мешком, в котором было две пары белья, бритва, книга о печах и маленькая чугунная чашка.

— Я согласен, — сказал он. — С условиями.

— С какими?

— Первое: вы не учите меня вязать, а я вас не учу.

— Согласна.

— Второе: никаких разговоров про мою ошибку.

— Согласна.

— Третье, — сказал он, и тут он запнулся. — Третье: если мы... если что-то изменится, мы говорим сразу.

Я смотрела на него, и у него было такое лицо, будто он читает вслух перечень.

— Согласна, — сказала я. — Заходите, Тихон Гай. У нас девяносто дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.